

Понятие возраста к нему не применимо: он все тот же — выдавшая виды джинсовая куртка, плащ в стиле «Коломбо» и неприменная кепка. Узнаете? — Василий Михайлович Песков.

ПЯТНАДЦАТЬ лет вы отработали на телевидении, вели передачу «В мире животных». Как теперь относитесь к телевидению?

— Если питаться тем же суррогатом, которым ежедневно потчуют телезрителей, то будешь с ними наравне, а мне на шаг вперед идти надо. Поэтому я раз и навсегда выбрал чтение.

— Это как не пить и не курить...

— А вам откуда известно? Я действительно не пью и не курю. Иначе не перевалил бы за селюк десятков с прежним КПД.

— Встречаю тут случаев ваш шеститомник. Полистала... «Таежный тупик», некогда наделавший столько шума... Пожухлая стопка газет с дюжиной статей до сих пор хранится на антресолях...

— Это серия «Василий Песков рассказывает». А там всякое: ближние и дальние странствия, невероятные истории и приключения, чуть правдоподобнее мюнхаузенских... По Аляске, российским проселкам, Африке, Америке. Специально ничего не писал: просто собрал воедино публикации, «проектные» временем.

— Вы журналист и путешественник по сути своей. Родились с этим?

— Какое там! Что мог знать деревенский мальчишка о журналистике?! А вот исследовать окрестную речку, лес, примечать да наблюдать — хлебом не корми. Правда, время было не хлебное, военное. По лесу, за дровами, километров пять да столько же обратно... Зато какая заплата! Любые жизненные трудности ничем! Вот так и рос в тридцати километрах от Воронежского заповедника: мать — крестьянка, отец — машинист; четверо детей, я — старший. Был у меня заветный сундучок, старательно обклеенный картинками. Наивное детское увлечение... Но исподволь «лепился» вкус к живописи. Собственное видение мира. А это, доложу я вам, дорогого стоит. И не только в искусстве фотографии. А с покупкой первого «Зенита» и гордого звания «репортера» в местной воронежской газете начались мои настоящие странствия.

— Что помешало остаться в статусе фотографа-профессионала?

— Еще Валерий Чкалов шутил, что «романтика в авиации кончилась с появлением на борту туалетов». Примерно то же самое произошло в отношениях «прогресса» и «фотографии». Куда девался ее ореол таинственности? А ручной труд, который ценится более всего? Я работаю, что старинке: вожусь с лоточками, светом, выдержкой. И нахожу в этом большое удовольствие. Вообще стараюсь делать только то, что доставляет мне и (хотелось бы верить) окружающим это редкое нынче чувство.

Что касается двух равнозначных для меня профессий — журналиста и фотографа, то в этом повинна моя всегласящая любознательность да желание чуточку большего, чем может быть.

Сначала я придумывал «распространенные» подписи под собственными фотоопытами... Затем случилась первая заметка... Как сейчас помню, «Апрель в лесу»... А дальше — обыкновенная журналистская эволюция. Вот только на фотографии времени мало — как всегда в последнюю минуту. Беседы — разные случаются: с маршалом Жуковым, с маршалом Василевским... Или вот с летчиками-испытателями на «Байконуре»... И

ЗАГЛЯДЫВАЮЩИЙ В ПРИРОДУ

Путь Василия Пескова начинался с расширенных подписей под собственными черно-белыми фотографиями

Независимая газ. - 2001 - 26 апр. - с. 13

все же, как ни крути, мои любимые темы — это по-прежнему природа, люди, близкие к ней, животные и путешествия.

— Не считите за бестактность, но отчего вы до сих пор не главный редактор какого-нибудь журнала?

— Да сколько раз меня приглашали «Вокруг света», «Человек и Природа», «Турист», а я отказывался. Не мое дело — сиднем сидеть да в две дырочки сопеть! Я хочу ездить, видеть, узнавать, чувствовать, переживать — только такой я вижу собственную жизнь! Как говорят американцы, я сам себя сделал, и переделывать поздно!

— Люди этого жанра — Кусто, Даррелл... Кто на вас повлиял?

— «Животные-герои» Томпсона в свое время мне многое дали. У нас не одно поколение на них выросло. Я побывал в доме писателя во время двухмесячного путешествия по Штатам. А в 73-м родилась наша с Борисом Стрельниковым книга. Намедни перечитал — удивился: самому понравилось.

— Вы путешествуете в одиночку или с туристическими группами?

— С туристическими — никогда. В основном это командировки от редакции или спонсоры. Недавно вернулся из Кении (восточная Африка), которую показывал друзьям-коммерсантам. Их интересовал животный мир дикой природы, которой осталось так мало на Земле. Хемингуэй своими «Зелеными холмами Африки» завершил романтическую эпоху сафари. А Гржимек открыл новую бескровную страницу фотоохоты. Голосу за нее двумя руками. Конечно, везде хватает любителей охотничьих трофеев. Но сегодня этого стыдиться надо!

— Хорошо, а у нас, в средней полосе: охота на кабана, лисицу, зайца? Тоже стыдно?

— Нет. Слава богу, их пока что хватает.

— Какие места вас впечатляют более всего?

— Самый интересный уголок в России — это Камчатка. На сравнительно небольшой территории действуют 28 вулканов. Рядом дышит океан: тюлени, моржи, рунная рыба...

— Лунная?

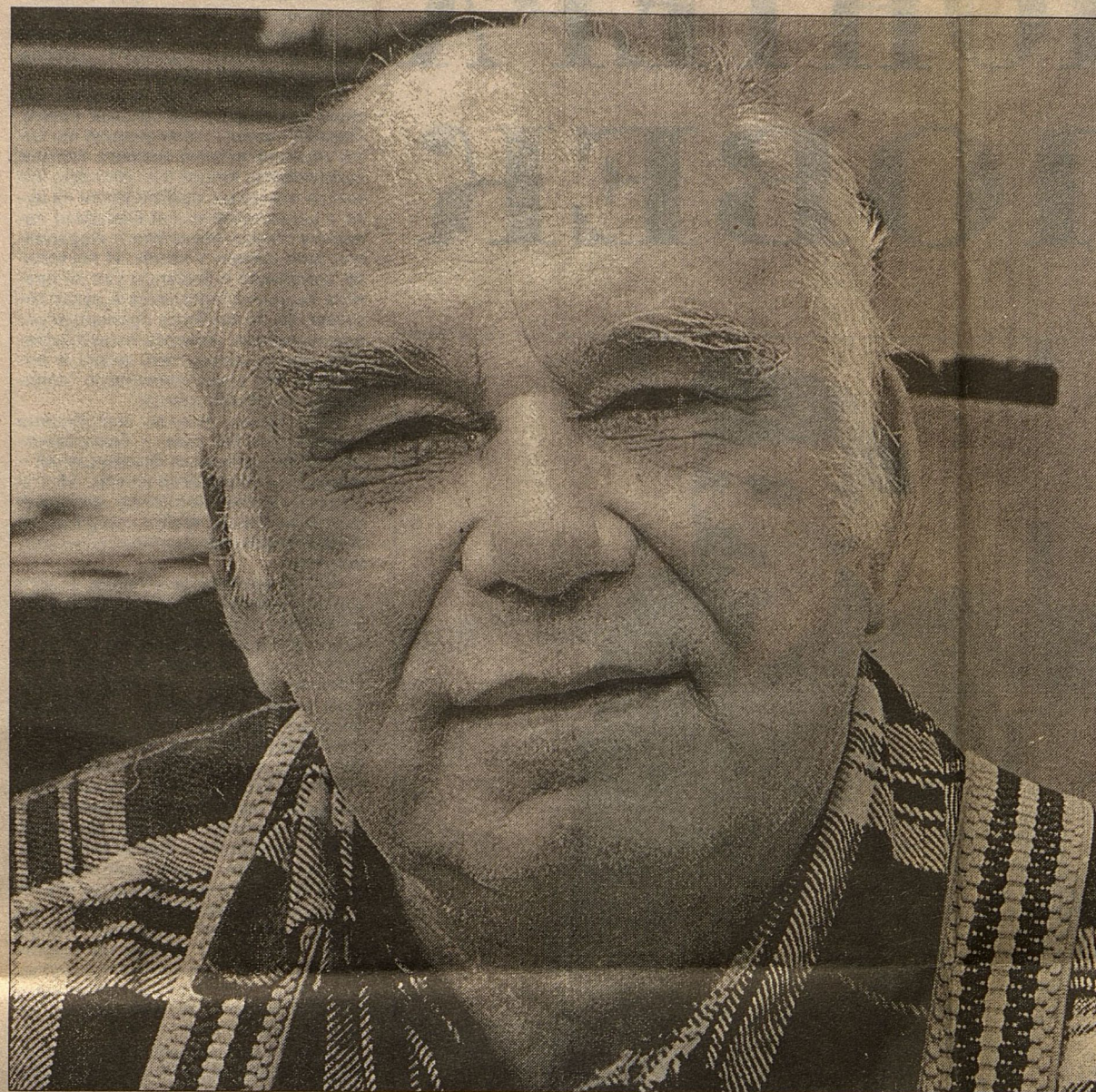
— Рунная. Рыба в период размножения. Идущая в реку, где появилась из икринок. Удивительная все же вещь — память воды, земли, воздуха! Родилась птаха в Воронежской области, туда же и вить гнездо летит. Чувство «малой родины» не только человеку свойственно. Я вот тоже: месяца в экспедиции за глаза хватает, чтобы в висках застучало: немедленно домой! К нашему беспорядку и неразберихе. Просто «биологический» патриот какой-то! Не могу без подмосковного леса, привычных воскресных прогулок.

— Как выходной — рюкзаки за плечи и...

— Совсем недавно, когда жил на Юго-Западе, так и было: ехал в сторону Внуково на 611-м автобусе, не доезжая, выходил. Так весь лес исходил, что каждый пенек в лицо знаю! Пройдешь, бывало, километров 25 — хорошо, радостно. А когда почки лопаются... Разотрешь между пальцев, дух такой, что голова кружится...

— С шашлычком да с костерком?

— Посидеть часок у костра — это непременно. А вот вместо шашлычка,

Василий Песков.
Фото Олега Иванова

который предполагает стационарный пикник, — лучше колбаску «Краковскую» или «Одесскую» на прутике поджарить. Густым чаем запить... Благодаря... Такие походы — не просто отдых! В результате появляются новые книги. Посидишь около муравейника, понаблюдаешь, как в природе все мудро устроено. Как за жизнь свою микроскопическую любую букашку — до последнего — борется. Вспору нам поучиться! Лет 30 назад прочитал, что муравьи тушат горящую свечу, поставленную в их жилище. Давно хотел проверить. Зажег свечку, а муравьишки, как по команде, начали сбивать пламя кислотой из собственного брюшка. Как только свеча прогорела до уровня муравейника — удалось: количество взяло. У меня слезы градом: кислотное облако глаза разъедает, а я знаю себе — снимаю. Всего-то прогулка в лес... А сколько пищи для ума и сердца. Общение с природой — это, по-моему, половина человеческого счастья.

— Кто из русских писателей чувствует это особенно тонко?

— Из русских — конечно же, Иван Бунин. Он обладал просто звериным чутьем. Рассказывают, что во Францию, приля в гости, вдруг ощутил тонкий запах не известного никому цветка, в поисках которого проползал битых два часа на коленях. Нашел-таки! Бунинское осязание и обоняние — это «притча во языцех»... Без него невозможно столь проникновенно передать малейшее движение в природе.

— Сегодняшний подмосковный лес, надо полагать, сильно отличается от бунинского... И даже от того, что был лет десять назад...

— Еще бы! Подмосковье — это опушка 9-миллионного мегаполиса, который исторгает одно беспокойство да грязь. Десять лет назад я снимал теревов в зимнем лесу, а сейчас их ни за что не найти! Поезжайте-ка лучше в Вологодскую или Калининскую область, там тихо: сплошь «вымершие» деревеньки. Некому зверье тревожить. В перестройку, когда, простите, нечего было жрать, в Подмосковье перебрались чуть ли не всех кабанов и лосей. Их следов до сих пор не видно.

— Зато серых пруд пруди...

— А тут уж матушка-природа «рулит»: чуть их число выше допустимого — мор насылают. Ведь зайцы поедают свой и чужой помет, насыщают кишечник бактериями, чтобы грубую пищу переваривать. Друг от друга и заражаются.

— Остались ли заповедные зоны в Подмосковье?

— Нет. А вот куда я собираюсь этой весной — Окский разлив, и впрямь чудное чудо света. Когда в половодье вода в Оке поднимается, возле Муромы, где есть сужение, она накапливается и вольготно разливается по междоустьевым равнинам, в большие половодья достигая высоты скворешен. Лесная живность по крошечным островкам спасается.

— А вы, как дед Мазай, плаваете промж них да зайцев собираете?

— Некрасов все придумал: зайцы сами в лодку не прыгнут — боятся. Убегают по мелководью, намокают и гибнут. Мы с «заповедными» ребятами перегораживаем мелководье сеткой, косою в ней путается. За уши его — и

на берег. А этой зимой такого половодья не будет: ранняя оттепель и дожди здорово убавили снежный наст.

— Каждый год на спасательные работы «призываетесь»?

— Стараюсь, конечно. Ведь весна над Мещерой — это непередаваемо: летят гуси, огромное количество мелких птиц — сорокопуды, соловьев. Для меня несколько дней здесь провести — все равно что верующему в Иерусалиме побывать! Одно «но» — не всегда получается выбраться. Так же, как не всегда удается помочь животному, терпящему бедствие. Если лось, например, долгое время пробыл в воде, спасти его уже невозможно. У него слабая психика. Случалось, эти животные забредали в Москву. Выстрелом со снотворным их обезвреживали и перевозили в лес, где бедняги умирали от пережитого стресса.

— А по грибы летом ходите?

— Я грибок не особый. Да и грибы для меня — не самоцель, а приглашение к путешествию. Причем на уровне фотоаппарата, а не грибочки. А вообще-то у меня все перемешано, как в меланжевой нитке: работа—отдых, отдых—работа...

— А как с рыбалкой...

— Люблю. Это точно. Написал об этом не одну книгу. Вот река Битюг в Воронежской области... Помните, лошади такие мощные — битюги? Так их здесь, на конезаводе, с характерным названием «Хреновской», выращивают.

— Чем интересна река?

— Любая река интересна. Коль мы о рыбе заговорили, то в прошлом году я сделал необыкновенные снимки сома весом 75 кг, который был пойман на удочку. На жареного воробья. Вообще-то народ наш все чаще электрические приспособления использует. Включил — мгновенный, как вспышка фотографа, разряд — и все живое в радиусе нескольких метров гибнет. Рыба, чудом оставшаяся в живых, не способна к размножению. Борьба практически невозможно, а писать бессмысленно. В Вологодской области, например, есть маленький городок Каргополь: бедность такая, что жителей за подобное браконьерство и осуждать не приходится. Для них это вопрос жизни и смерти. Так что электрические удочки — это явление чисто российское, социальное.

— Вы предпочитаете есть рыбу или мясо?

— От мяса не откажусь, но рыбу люблю больше. Особенно ту, что присылают друзья с Камчатки: свежемороженую или слабосоленую, собственного посола. Это невероятно вкусно.

— Сродни магазинному лососю, из которого выпотрошили икру?

— У нас продается рыба, которая была заморожена, разморожена и вновь заморожена. А такая рыба теряет всякую ценность.

— Частенько встречается лосось с икрой, которую я пыталась засолить, но безуспешно...

— Так это, матушка, целая наука: на сколько минут и в растворе какой крепости свежую икорку положить! Как картошка перестанет тонуть, значит, раствор насыщенный. Опустить на 6 минут — будет слабый посол. На восемь — магазинный вариант — тот, что может долго храниться в банках: не-

вкусно, но надежно. Поэтому в идеале икру надо есть сразу после приготовления. Хотя этот продукт быстро приедается. На Камчатке я раз пятнадцать бывал, а там, у друзей, она в огромных чанах стоит. Верите, через несколько дней глаза на нее не смотрят!

— Как же вести учет идущей на нерест рыбы, которую нужно выловить?

— Сначала определяется точная цифра допустимого вылова, которая год на год не приходится. А счетчик, стоящий в воротах, в местах нерестилищ, ведет ее счет.

— А семга тоже лосось?

— Только атлантический. Когда-то он и к нам в Печору заходил... Та, что мы покупаем сегодня в магазине, — не настоящая. От прежней она отличается, как курица, живущая на вольных хлебах у бабушки Мани, от европейского бройлера. В Швеции, откуда мы в основном получаем этот деликатес, выращивают семугат в инкубаторах, на рыбзаводах. Выпускают в специально огороженные фиорды, где она питается гранулами, которыми кур кормят. А не «пасется» в океане. Поэтому «та» семга «этой» — рознь! Сорок с лишним лет назад я как-то попробовал настоящую, царскую рыбу...

— А нам и сравнить не с чем!

— Да, все в мире идет по этому пути. Возьмите, к примеру, европейскую колбасу — есть невозможно. А только что вытасненная из копильни! На Аляске есть маленький колбасный заводик. Привозишь тушу только что подстреленного во Флориде оленя, а тебе из нее... Говорю, а у самого слюнки текут.

— Какие-нибудь случаи из ряда вон с вами бывали?

— Давно, году этак в 62-м. Снимал я медвежат в лесу, увлекся, а медведицу не заметил. Дело было на Кавказе. Медведица ко мне на четырех лапах припустилась — битюги? Так их здесь, на конезаводе, с характерным названием «Хреновской», выращивают. И дико заорал. В этот момент «медвежья болезнь» обычно и приключается. К слову сказать, у медведя она тоже с сильным испугом связана. Замахнулся штативом... А что это для зверя, который еще 100 м с простреленным сердцем бежать может? Но мой страшный ор и «вкопанность» мамашку остановили.

— И последний вопрос, который не дает мне покоя с начала нашей беседы: нашелся ли выход из «Таежного тупика»? Хотя для кого-нибудь из семьи Лыковых? И что, по-вашему, их погубило?

— Из всей семьи осталась одна 56-летняя Агафья, которую я навещал прошлой осенью. Попасть к ней невозможно: вертолет туда и обратно стоит около 5 тыс. долл. Живет в тайге одна-одинешенька, похоронив родителей, сестру и братьев. Сначала я думал, что их погубил какой-то вирус с Большой Земли. А потом понял — стресс: открытие непонятного, чужого мира, о котором староборядцы ничего не знали. Ведь три члена семьи ушли один за другим, практически в один год. Впрочем, это тема для отдельного разговора.

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Василий Михайлович Песков родился в 1930 году в селе Орлово Воронежской области. До переезда в Москву работал пионервожатым, киномехаником, фотографом, сотрудничал в воронежской молодежной газете. В качестве репортера и обозревателя работал в различных изданиях и на Центральном телевидении. В настоящее время — обозреватель «Комсомольской правды».